

— Вы, Сашенька, подумайте. Вѣдь я—пьяница,—улыбнулся Корневъ горько.

Анисья Петровна сорвалась-было съ мѣста, но тотчасъ сѣла и только шумно, нетерпѣливо вздохнула.

— Это ничего, Евгенийъ Александрычъ: я буду васъ поддерживать,—сказала Сашенька тихо.

Корневъ умилился. Эта дѣвочка хочетъ поддерживать его! Онъ взялъ ея руку и поцѣловалъ.

— Такъ это правда? правда?—прошептала смущенная Сашенька, отнимая руку.

Корневъ снова овладѣлъ ея рукой и снова поцѣловалъ.

— Правда, Сашенька.

Она не отняла руки и тихо заплакала.

— Ну, слава Богу! покончили! — поднялась шумно Анисья Петровна. — Глядѣть-то на васъ тошно! Хоть поцѣлуйтесь что-ли!

И женихъ, и невѣста оба покраснѣли, но не поцѣловались. Корневъ нетерпѣливо пожалъ плечами.

— Ну, ладно, ладно: потомъ навѣстаете! Ну, Евгенийъ Александрычъ, сегодня надо священника призвать — обрученіе сдѣлать.

— Такъ скоро?—удивился и смутился нѣсколько Евгенийъ Александрычъ.

— Чего же ждать? Мясоѣдъ къ концу ужъ, а до осени-то еще долго—самимъ ждать наскучить,—улыбнулась она лукаво.

— Или вамъ не хочется такъ скоро? — спросила она осторожно. — Можно и отложить: вы человѣкъ благородный, слово свое не измѣните.

— Нѣтъ, нѣтъ! какъ хотите! — поспѣшно согласился Корневъ, краснѣя при мысли, что Анисья Петровна заподозрѣла искренность его намѣренія жениться.

— Пойдемъ, Сашенька: одна-то я не управлюсь... А вы легли бы отдохнуть, Евгенийъ Александрычъ,—посоветовала она участливо.

Проснулся Корневъ отъ осторожнаго покашливанія. Кузьма Мосевичъ сидѣлъ у окна и разсматривалъ какую-то книгу.

— Проснулись?—спросилъ онъ ласково. — А я давно ужъ у васъ сижу. Прибѣжала ко мнѣ кума. «Кумъ, говоритъ, Евгенийъ Александрычъ Сашенькѣ предложеніе сдѣлалъ!» Я и лейку выронилъ. — Ну? говорю. — «Приходи, говоритъ, вечеромъ на обрученіе». — Ахъ, мухи тебя ѣшь, думаю: надо пойти... И пришелъ пораньше.

Корневъ медленно всталъ и присѣлъ на кровать. Не совсѣмъ